

Методология. "ВЛАСТЬ-СОБСТВЕННОСТЬ" В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ И ЭКОНОМИСТОВ

Автор: С. В. ЦИРЕЛЬ

Словосочетание "власть-собственность", до недавнего времени известное лишь узкому кругу историков и экономистов, понемногу становится популярным термином, завоевывает страницы газет и журналов. Поисковая система "Rambler" находит 576 документов с точным словосочетанием "власть-собственность" и 818 документов с тем же словосочетанием в форме "власти-собственности". Если исключить 119 документов, в которых встречаются обе формы, то в итоге получаем 1275 документов. Более двух третей из них также содержат слова "Россия" или "российский".

Таким образом, это понятие применяется для характеристики российской действительности и/или российского прошлого. Как видно из анализа текстов, большая часть использующих его авторов считают, что власть-собственность - особенность Востока и наличие этого феномена в России недвусмысленно указывает на восточный характер российских экономических и политических институтов или российской культуры в целом. Более того, многие авторы исходят из противоположной логики - полагая в качестве аксиомы принадлежность России к Востоку, постулируют наличие этого феномена в России и далее уже занимаются его исследованиями (или анализом того, что они принимают за "власть-собственность"). Однако далеко не всем известно, что впервые данный термин был предложен А. Гуревичем для характеристики европейского средневековья, а отнюдь не восточных стран, и лишь потом Л. Васильев счел его непременной характеристикой Востока.

Подобная история столь распространенного термина ставит перед читателем естественный вопрос: а что же такое "власть-собственность" - характерная особенность восточных стран, общий признак традиционного времени или вообще единой "власти-собственности" не существует, а мы, схватившись за звучное сочетание, прикладываем его к нескольким различным феноменам. Учитывая, что в большей части работ никакого определения "власти-собственности" обнаружить нельзя, фазу ответить на данный вопрос затруднительно.

Поэтому подойдем к данной проблеме исторически и посмотрим, как модифицировалось это понятие. Наиболее подробно генезис "власти-собственности" рассматривается в ранней работе Гуревича "Начало феодализма в Европе" [Гуревич, 1999], где сам термин еще отсутствует, однако встречаются выражения, очень близкие по смыслу. Для характеристики феномена приведу несколько обширных цитат.

Ц и р е л ь Сергей Вадимович - доктор технических наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института горной геомеханики и маркшейдерского дела (Санкт-Петербург).

Прежде всего выясняется, что во время генезиса феодализма термины, связанные с собственностью в западноевропейских языках, скорее, обозначали знатность, чем богатство. "Очень интересно проследить применение понятий "владение", "богатство". Так, слово "владение" в древнеанглийском языке наряду с понятием "богатство" означало и понятия, характеризующие личные качества обладателя этого богатства: "счастливый", "гордый", "могущественный", "благородный", "доблестный", "удачливый". Слова же, которое обозначало бы богатство исключительно как чисто хозяйственное, вещественное явление, в древнеанглийском языке вообще не было. Богатство в сознании людей варварского общества - показатель личной или родовой чести и доблести. Экономическая сфера деятельности человека непосредственно связана с этическими ценностями этого общества. Точно так же и в древнеисландском языке указанные понятия объединяются в один пучок значений. В немецком языке слово *eigen* первоначально относилось, по-видимому, лишь к лицам ("свой", "собственный", то есть принадлежащий к семье, к роду, либо - "подчиненный", являющийся чьей-либо собственностью, т.е. раб), и обозначение этим словом понятия "собственность" (*Eigentum*) пришло вместе с дальнейшим развитием отношений зависимости между людьми. И в феодальном обществе понятия "бедный" и "богатый" имели не одно экономическое содержание и свидетельствовали не только об имущественном положении человека, но также (а может быть, и прежде всего) о его социальном статусе. *Pauper* не значило просто "бедный"; это - мелкий, незначительный человек, не пользующийся влиянием, не обладающий властью, не занимающий должности, не владелец лена. Антитеза *pauperes* - не "богатые", а "могущественные", "знатные" (*potentes, honorati*). *Pauperes* в этом обществе - *minus potentes, privati homines*.

В англосаксонских законах X и начала XI в. деление общества на "богатых" и "бедных" постоянно перемежается с противопоставлением "знатного" (*nobilis*) "незнатному" (*ignobilis*). В текстах законов на английском языке, содержащих упоминания "богатых" и "бедных", при последующем переводе на латынь вместо этих терминов появились *nobiles* и *ignobiles*, обнаруживая сословный характер понятий "бедность" и "богатство" [Гуревич, 1999, с. 218].

Таким образом, под богатством в первую очередь подразумевается власть над людьми, а не над вещами. Для доказательства этого тезиса Гуревич рассматривает связь ренты с размером надела: "Давно установлено, что величина ренты, взыскивавшейся феодальными господами с крестьян, как правило, не зависела от размеров крестьянских наделов... "Уравниловка" в повинностях на деле приводила к крайней пестроте уровней обложения, к тому, что в одних случаях феодал мог присваивать весь прибавочный продукт крестьянина, а в других - лишь часть его. В основе этих отношений мы не найдем фактора экономического регулирования и хозяйственной целесообразности. На ранних этапах развития феодализма традиция и всякого рода приводящие обстоятельства, подчас весьма далекие от хозяйственных нужд и интересов, играли большую, а иногда и решающую роль в установлении способов эксплуатации.

Личный статус держателя, его происхождение, способ его втягивания под власть господина, форма его зависимости определяли его отношения с феодалом и характер его эксплуатации. Именно личные, внеэкономические моменты выступают здесь на первый план. Экономические формы эксплуатации ими опосредованы, являются как бы производными от них. Поэтому в поместных кадастрах и политиках раннего средневековья фиксируются, наряду с повинностями и платежами, которые собирали землевладельцы, имена держателей и даже членов их семей. Феодалу было далеко не безразлично, кто сидит на его земле, сколько людей и какие именно люди ему подчинены, каковы их личный и общественный статус, форма зависимости.

Сколь ни велики были различия в положении крестьян во Франции, Англии и Норвегии, мы наблюдаем в них нечто общее. В любом случае, идет ли речь о франкских прекарисах церкви и монастырей, или об англо-саксонских крестьянах, находившихся под властью владельца бокленда, или о скандинавских бондах, обязанных устраивать вейцлы королю либо его дружиннику, в основе этих отношений лежал прежде всего эле-

мент личного подчинения непосредственных производителей могущественным людям, обладавшим над ними властью. Крупное землевладение в раннее средневековье по существу своему - управление людьми, сидящими на земле, личная власть над ними, власть судебно-административная, военная, сопряженная со сбором даней, рент, податей (из даней-кормлений со временем развивались как феодальная рента, так и государственная подать)" [Гуревич, 1999, с. 220].

Этот тип подчинения распространяется не только на отношения феодалов и крестьян, но и на отношения феодалов между собой, причем личная зависимость существовала и без земельных отношений: "В основе отношений в среде феодалов, между сеньорами и вассалами, мы опять-таки обнаруживаем прежде всего не отношения земельной собственности, но личные отношения. Последние, как правило, транспонировались на землю, но никогда не сводились к поземельному отношению. Сеньориально-вассальная связь всегда была некоей формой отношений личной верности и покровительства, обмена услугами. Более того, отношение между вассалом и сеньором могло существовать вообще без пожалования земли. Уже генезис сеньориально-вассальных отношений свидетельствует о том, что они возникали сплошь и рядом как чисто личные отношения покровительства, службы, верности. Таковы были связи между вождем и дружинниками, приносившими вождю присягу верности и служившими ему не за земельный бенефиций, а на условиях получения доли в захваченной добыче, за оружие, коней и пиры, которые вождь устраивал для своей дружины. Таковы были и отношения между королями и их подданными, получавшими от королей пожалования в виде даней и кормлений; так складывалась вассальная зависимость без фьефов или фьефы, состоявшие только из даней" [Гуревич, 1999, с. 222].

Переход от личной зависимости крестьян от феодала к собственности феодала на крестьянские наделы Гуревич относит к более позднему времени: ""Расщепленная" собственность, при которой "верховное распоряжение" землей принадлежит якобы феодалу, а правом пользования наделен крестьянин, - фикция юридического мышления нового времени, чуждая как исторической действительности, так и правосознанию средневековья. Понятия "власть", "присвоение", "владение" подходят к этим отношениям гораздо больше, чем понятия "полная" или "частная собственность", "верховная собственность", "монополия на землю" и т.п. Для феодальных отношений существенно было установление и поддержание личной зависимости крестьян от сеньора в самых различных ее формах: от "сословной неполноправности" до крепостничества в полном смысле этого слова. В последнем случае именно потому, что личная зависимость была столь полной, что было можно говорить о праве собственности господина на крепостного, это право распространялось и на землю. Но комплекс отношений, который мы обычно обозначаем терминами "крепостничество", "крепостное право", реально складывается впервые в позднефеодальном обществе, когда личные отношения все более "овеществлялись", приобретая товарную природу. Ведь формы феодальной зависимости крестьян в период раннего средневековья, сколь суровыми они ни становились, строго говоря, не выражались в крепостничестве. Крепостное право - это специфическая форма зависимости и эксплуатации крестьян, которая развилась в условиях растущей товарности сельскохозяйственного производства и укрепляющегося самодержавия. "Второе издание крепостного права" в Восточной Европе в XV-XVIII вв., собственно, было первым и единственным в европейской истории" [Гуревич, 1999, с. 221].

Последний тезис мне представляется несколько преувеличенным. Отношения феодалов и сервов во Франции или вилланов в Англии в XI-XIII вв. имели некоторые черты крепостной зависимости (например, наличие обязательной барщины, хотя бы три-четыре дня в году [История... 1986]), хотя отличие положения крестьян раннесредневекового Запада от российских крепостных не вызывает сомнений. Позднее сам Гуревич указывает путь овеществления личных отношений, в его основе, по мысли Гуревича, лежало особое понимание связи человека с его собственностью, "магическая сопричастность вещи и ее обладателя" [Гуревич, 1984, с. 24]. С одной стороны, она не допускала произвольного распоряжения вещами, свойственного античному или буржуазному праву, с

другой - напротив, способствовала распространению личной зависимости обладателя на его собственность. Тем не менее полного сочетания личной зависимости и прикрепления к земле, характерного для Восточной Европы и России XV-XVIII вв., Западная Европа никогда не знала, и уже в XIII-XIV вв. личная зависимость крестьян от феодалов сокращается, а местами и вовсе исчезает.

Стали ли крестьяне от этого счастливее - совсем иной вопрос, ибо освобождение от самых тяжелых феодальных повинностей стоило крестьянам значительной части их земель, перешедших в собственность к феодалам (особенно в Англии в процессе огораживания). Как известно, А. Пушкин в споре с книгой А. Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву" доказывал, что материальное положение крепостного русского крестьянина лучше, чем свободных английских фабричных работников [Пушкин, 1958, с. 291].

* * *

Теперь на время забудем и о европейском средневековье, и о русском крепостничестве и обратимся к другому концу Евразии, к Востоку, в интерпретации Васильева. В основе его концепции лежат представления К. Маркса об азиатской общественной формации и К. Виттфогеля [Wittfogel, 1959] о гидравлическом (иригационном) обществе. Собственное описание власти-собственности Васильев предваряет обширной цитатой из сочинений Маркса, которую я тоже привожу без всяких купюр: "Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не менее суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь - верховный собственник земли. Суверенитет здесь - земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей" [Васильев, 1993, с. 31; Маркс и Энгельс, 1961, с. 354].

Опираясь на эти представления, Васильев выстраивает свое определение феномена власти-собственности: "Власть (владение) рождает понятие и представление о собственности, собственность рождается как функция владения и власти. Перед нами феномен власти-собственности. Власть-собственность - это альтернатива европейской античной, феодальной и буржуазной частной собственности в неевропейских структурах. По наследству в этих структурах может передана должность с ее правами и прерогативами, включая и высшую собственность, но не собственность как исключительное частное право владения независимо от должности. Социально-экономической основой власти-собственности государства и государя было священное право верхов на избыточный (а порой не только избыточный - *С. Ц.*) продукт производителей" [Васильев, 1993, с. 69].

Согласно Васильеву, процесс становления власти собственности заключался в постепенной централизации реципрокных отношений (добровольного перераспределения избыточного продукта внутри общины), переходе от добровольного обмена к регулируемому старейшиной общины и надобщинными структурами. Естественно, при этом возникала обязательная доля избыточного продукта, отчуждаемая верхами, подкрепляемая, с одной стороны, сакральным авторитетом вождя, а с другой - частыми дарами и раздачами, демонстрирующими его щедрость и моральное превосходство. В дальнейшем при становлении ранних государств лестница стоящих над общиной вождей и администраторов росла, а роль общины в регулировании перераспределения избыточного продукта падала.

"Появление власти-собственности было важным моментом на пути институционализации общества и государства в неевропейском мире. Практически это означало, что прежняя свободная община теряла свои исключительные права владения ее угодами и

продуктами. Теперь она вынуждена была делить свои исключительные права владения с теми, кто в силу причастности к власти мог претендовать на долю ее имущества, начиная от регионального вождя администратора, будущего владетельного аристократа, которому верховный вождь передавал большую часть своих прерогатив, и кончая общинным главой, все более превращавшимся в чиновника аппарата администрации" [Васильев, 1993, с. 69 - 70].

Тем не менее впоследствии, как показывает Васильев, в азиатских странах появляется и даже развивается частная собственность, но она не получает правового обоснования и подвергается постоянным преследованиям со стороны центральной власти. По мнению Васильева, процессы приватизации, имущественное расслоение общин шли как на Востоке, так и в Древней Греции, тем не менее это не приводило к коренным изменениям структуры восточных обществ. Он отмечает, что несмотря на то, что во многих восточных государствах ослабление центральной власти приводило "к росту доли рыночного товарообмена, с одной стороны, и феодализации, с другой стороны, это никак не означало создания благоприятных условий для частного сектора. Во-первых, государь меньшего масштаба оставался все тем же государем, с таким же аппаратом власти и теми же принципами администрации. А во-вторых, даже тогда, когда на региональном уровне власть слабела, а общество оказывалось в состоянии дезинтеграции, следствием всего этого были упадок хозяйства, его натурализация, восстания обнищавшего люда. Завоевания воинственных соседей. Все это никак не способствовало расцвету частной экономики, скорее напротив - богатые собственники подвергались экспроприации в первую очередь" [Васильев, 1993, с. 81].

С этими утверждениями трудно спорить, однако, на мой взгляд, из них все же трудно понять, что именно препятствовало развитию античной или хотя бы феодальной структуры общества - ранняя институализация власти-собственности, привычка к определенной форме устройства общества и государства; религии и идеологии, закрепляющие верховную собственность государства и государя; способ приспособления к природным условиям и традиции ведения хозяйства, или все факторы одновременно.

* * *

Итак, понятие власти-собственности приобретает два различных смысла. С одной стороны, это черта европейского средневековья, с другой - отличительный признак восточных неевропейских обществ, "альтернатива европейской античной, феодальной и буржуазной частной собственности". Сам Васильев решает эту проблему достаточно просто, указывая (в легком противоречии с предыдущим определением) на двойственный характер протогосударств в раннесредневековой Европе: "Система отношений, которая возникла в постантичной варварской Европе, прежде всего среди полупервобытных германских племен, и которая со временем стала именоваться феодализмом, в сущности весьма близка к командно-административной структуре Востока, особенно на начальном этапе ее становления либо в периоды политической децентрализации. В этом нет ничего странного: выходцы из великой индоевропейской общности, близкие родственники хеттов и ранцев, индийских ариев и доантичных греков, германские племена до оседания их на территории Европы находились на той же стадии развития и обладали той же протогосударственной структурой, что и неевропейские общества. Они не были знакомы с частной собственностью, зато феномен собственности власти, централизованной редиистрибуции и контроль государства над обществом уже явно формировался в их среде" [Васильев, 1993, с. 242].

Однако, согласно Васильеву, усвоение элементов античного наследия и даже сам факт христианизации Европы (несмотря на то, что христианство отвергло многое из античного наследия) привел к тому, что произошел "синтез классической античной варварской и германской (восточной по типу) структур" [Васильев, 1993, с. 242]. И в этом синтезе преобладающим оказалось именно античное наследие, римское право и частная собственность. Таким образом, в феодальной Европе начали формироваться те же

структуры, что на Востоке - в первую очередь, центральная ре дистрибуция, контроль государства над обществом и власть-собственность. Однако античное наследие и в меньшей степени христианизация изменили вектор трансформации и позволили Западу избежать восточного пути развития.

Если принять данную версию, то мы получаем очень простую картину, конечно, оставив в стороне причины возникновения "античной мутации" (термин Васильева). Гуревич, заметив в раннесредневековых странах Европы этот феномен, ввел термин "власть-собственность", а затем Васильев распространил его на все восточные страны. Единственная особенность заключается в том, что впервые термин был использован для описания нетипичных гибридных форм, а потом уже перешел на классические формы.

* * *

Однако в какой мере выстроенная картина отвечает реалиям европейского средневековья в сопоставлении их с реалиями восточных деспотий? К сожалению, здесь я должен разочаровать читателя - ни у кого, и у меня в том числе, нет окончательного ответа на этот вопрос. Еще более последовательные сторонники оппозиции "Восток *versus* Запад" (и их немало, особенно в России) отвергнут ответ Васильева как чрезмерно сближающий Запад и Восток и не учитывающий отличий базовых институтов Запада. Скорее всего, к ним присоединятся и сторонники цивилизационного подхода, впрочем, их возражения в первую очередь затронут основную "восточную" часть теории Васильева, чрезмерно сближающую все страны Востока. Многие из них отметят, что, несмотря на усилия, Васильеву так и не удалось убедительно показать общность институтов всех восточных цивилизаций на протяжении всей их истории. Больше всего бросается в глаза то, что применение концептов "власть-собственность" или "азиатский способ производства" к Индии до исламских завоеваний было достигнуто лишь в результате многостраничных и не слишком убедительных построений.

Напротив, последователи стадийного подхода, как в марксистской версии, так и в либеральной ("теория модернизации", "Некоммунистический манифест Ростоу") заявят о еще большем сходстве процессов на Западе и Востоке и об отставании Востока, не нашедшего (не успевшего найти) собственного пути модернизации. Поклонники же модной ныне мир-системной парадигмы И. Валлерстайна, как мне представляется, должны в основном согласиться с Васильевым. Их возражения будут в основном касаться переоценки роли античности и христианства и неучета отсталости средневекового Запада, бедного региона, находящегося на самом краю ойкумены.

Моя гипотеза, разумеется, также не претендует на звание истины в последней инстанции. Более того, я сомневаюсь, что когда-либо будут найдены доказательные ответы на вопросы типа "чем Запад отличается от Востока?" или "в чем заключаются причины европейской модернизации?". И дело здесь не в слабости исторической науки, а в более принципиальных вещах. Любая трактовка как отличий средневекового феодального общества от восточного, так и причин европейской модернизации, очевидно, неполна и представляет собой не теорию, а лишь правдоподобное рассуждение. И как бы ни были глубоки и остроумны рассуждения историка, они не могут претендовать на большее, ибо успешная, не стимулированная извне модернизация - единичное явление, и, строго говоря, изучать его причины и механизмы сугубо научными методами невозможно. Мы даже не знаем - это случайность или необходимость? Необходимость модернизации базируется в большей степени на аналогиях с другими великими трансформациями (неолитической революцией, по литогенезом, Осевым временем) или на неуклонном росте численности народонаселения Земли и техническом прогрессе, чем на ней самой. Тем более мы не можем точно установить, что лежало в ее основе - случайность "необразования" империи в Европе, география Европы, препятствующая образованию империй, климат, протестантская этика, обычаи индоевропейских племен, опыт античности, особенности германской марки, линейное время христианства, стечение различных обстоя-

тельств и т.д. Научное исследование требует хоть каких-то родственных явлений, чтобы можно было проверить высказанные предположения. Но в данном случае бесспорных близкородственных явлений в истории нет, и выдвижение одного из родственников на роль самого ближнего само производится на основании той теории, которую предстоит проверять. Еще сложнее обстоит дело с "античной мутацией", необходимость которой проблематична даже для горячих сторонников дихотомии "Восток *versus* Запад".

И тем не менее. В целом мне близка точка зрения Васильева, но, как представляется, и Васильев, и "мир-системщики" недооценивают психологические факторы и переоценивают роль заимствований и чисто экономических аспектов.

Самый знаменитый документ европейского средневековья - "Великая хартия вольностей", оградившая права и собственность свободных людей от королевского произвола, базировалась в основном не на наследии античности, не на римском праве, а на обычном праве и традициях европейских народов [Magna... 1917; Green, 1898]. Еще меньшую роль, чем в Англии, римское право сыграло в становлении демократии стран Северной Европы [Фурсов, 1987; Павленко, 1997]. Исландия, единственная страна, сохранявшая демократический строй на протяжении всей своей истории, менее всего ориентировалась на античную правовую систему. Невелика была роль римского права и в становлении Швейцарской Конфедерации. И наоборот, страны Средиземноморья - от Испании до самой Византии, где был создан Кодекс Юстиниана, - в наибольшей степени унаследовавшие античную правовую систему, чаще других европейских стран испытывали тираническое правление, не признававшее собственности, не опирающейся на власть.

Поэтому, на мой взгляд, и римское право, и христианство были лишь вариантами преград для торжества "власти-собственности" в ее законченном восточном варианте. Такими преградами могли стать и варварское право, и некодифицированные племенные обычаи, и, главное, возможность защищать свое достоинство и свою собственность в рукопашном поединке. Жестокие обычаи - от кровной мести до дуэли как предшественники состязательного суда или его альтернатив - лучше защищали честь и собственность, чем петиции и прошения всевластным правителям.

Этот тезис можно сформулировать еще резче: большей частью будущие демократические общества были обществами разбойников, то грабившие соседние цивилизованные народы с развитыми формами "власти-собственности", то торговавшие с ними. Морские пираты, разбойники гор и степей [Корогаев, 1995; Крадин, 1992] - основные строители демократических обществ. Именно в разбойничьих сообществах зарождаются и права собственности, и понятия о личном достоинстве, защищаемом силой оружия или судом, и индивидуализм, сочетающийся с умением договариваться о коллективных действиях. В список разбойников-протодемократов попадают не только дикие викинги или малайские пираты, но и цивилизованные греки. Обсуждая особенности греческих полисов, А. Берент пишет: "Большинство аграрных обществ являются авторитарными, т.е. стратифицированными обществами с государством, в котором средства принуждения централизованы и монополизированы правящим классом. В таких обществах принуждение принимает форму государственного господства и государственного присвоения прибавочного продукта. Но есть и другой тип аграрных обществ - эгалитарные безгосударственные общины. Эти общества характеризуются высоким коэффициентом военного участия, т.е. в военное время почти все вооружены. Для таких обществ характерно то, что они сопротивляются принуждению. В таких безгосударственных общинах насилие должно было принимать форму обороны, грабежа или войны против внешнего мира.

Решающее значение войны и военной добычи в экономике полиса признано давно. В "Федоне" Платон говорит, что "все войны предпринимаются ради приобретения богатств", а Аристотель в "Политии" перечисляет пять способов приобретения средств к существованию: "скотоводство, земледелие, пиратство, рыболовство и жизнь охотой" и считает войну естественным способом приобретения средств. Действительно, "война в древнегреческом мире является способом производства"... "Хронический дефицит ре-

сурсов древнегреческие полисы могли преодолевать лишь за счет собственных граждан, либо других государств" [Берент, 2000, с. 247 - 248].

После этой длинной цитаты читателю, вероятно, уже не покажется странным утверждение, что тоталитарный строй древней Спарты, несмотря на многочисленные аналогии с тираниями Востока, имел глубокое внутреннее родство с демократией Афин и других греческих полисов. Личное достоинство воина-спартанца заставляло его презирать частную собственность, но в то же время не позволяло выпрашивать у власти должности, дающие возможность распоряжаться собственностью. Более того, к числу обществ, потенциально способных построить демократию варварского типа, можно отнести и современную Чечню, какими бы кощунственными ни казались многим читателям аналогии между глубокоуважаемыми древними греками и проклинаемыми современными чеченцами [Цирель, 2003].

Разумеется, демократическое, полугосударственное или, по другим оценкам, вовсе безгосударственное устройство греческого полиса и латинского *civitas* вступало в противоречие с задачами имперского строительства. Тема превращения Римской республики в Империю волновала многих историков, ей посвящена многочисленная литература, которую мы здесь не будем рассматривать. Для наших рассуждений важно подчеркнуть, что переход от протодемократии к восточной власти-собственности непременно включал в себя усиление личной зависимости от вышестоящих и разрушение права на защиту достоинства и собственности на поединке или в состязательном суде.

Как мне представляется, в раннефеодальных государствах Европы установилась развитая система личных связей, которую и Гуревич, и Васильев называют властью-собственностью, но подчинение и покровительство не доходило до такой степени, чтобы уничтожить личное достоинство вассалов и зависимых людей и превратить их собственность в собственность феодала. Поэтому вместо превращения зависимости в подчинение, вассала в государственного служащего, несмотря на все усилия абсолютистских монархий, претендовавших на верховную собственность на все богатства страны, на Западе произошел обратный процесс разрушения феодальных зависимостей и формирования частной собственности.

Разумеется, разрушение личных прав не одномоментно. Это длительный исторический процесс, но все же, как мне представляется, для его успешности нужны не только медленные вековые перемены, но и катастрофические явления, прежде всего гражданские войны, внешние завоевания и жестокие тирании. Например, в Китае переход от феодальных отношений чжоуского периода к централизованному бюрократическому правлению длился много веков (условно с VI по III в. до н.э. [История... 2004]), но закончить этот процесс смогло лишь жесточайшее правление Шихуанди. В то же время, и обратные трансформации не были простыми и плавными. Ослабление королевской власти над феодалами и феодальной власти над вассалами, отстаивание своего достоинства и своей собственности принимали формы непрерывных войн и мятежей. Не будет преувеличением сказать, что непрерывная война с постоянно собирающимися и распадающимися коалициями - нормальная форма существования общества, не сумевшего построить централизованную власть (или, наоборот, сумевшего ее не построить). Более того, процесс освобождения никак нельзя назвать линейным, зачастую освобождение одного слоя (сословия, страты) от притязаний высшей власти вело к большему закабалению низших слоев. Тому можно привести множество примеров: только античные демократии Греции и Рима знали массовое рабство в самых крайних формах, принятие Великой хартии вольностей в Англии совпало по времени с самыми жесткими в западной части Европы формами феодальной эксплуатации крестьянства, американская демократия до гражданской войны сочетала невиданные в Европе права белых граждан с абсолютным бесправием черных рабов.

Перед тем как перейти к описанию судеб власти-собственности в России, попытаюсь сформулировать свою позицию в более общем виде. При переходе от архаического общества к протогосударственному складывается явление власти-собственности; личная зависимость низших от высших влечет за собой право на получение дани и/или выпол-

нение низшими неких обязанностей в обмен на защиту и покровительство. Чем ближе протогосударственная структура к вождеству (сложному вождеству), тем больше концентрация власти-собственности в руках верхушки, и наоборот, чем ближе структура к племенной, тем шире круг обладающих властью-собственностью, тем сложнее и "аморфнее" ее структура, тем больше концентрация прав собственности на неких средних уровнях и выше вероятность ее перехода в частную. Крайний случай - сообщества морских, степных и горных разбойников, грабящие более богатые и цивилизованные общества (а также торгующие с ними); именно в них чаще всего наблюдаются самые демократические формы правления и зачатки частной собственности. Ранние формы власти-собственности (назовем их условно феодальными или предфеодальными), основанные большей частью на личных связях и не подразумевающие верховной государственной (царской) собственности на все блага, в той или иной мере характерны для большей части (или даже для всех) протогосударственных и раннегосударственных сообществ. По мере развития и роста государства высшая власть стремится превратить ранние феодальные формы власти-собственности в развитые восточные. Верхние наиболее свободные слои ("сословия") активнее сопротивляются устремлениям высшей власти и пытаются придать своей доле прав форму частной собственности. Успех здесь зависит от множества обстоятельств, прежде всего от их численности, размера государства (чем оно меньше, тем выше их шансы), умения договориться с низшими слоями, но, главное, от сохранения ими собственного достоинства, права отстаивать свою честь и свои интересы в поединках и/или в состязательном суде. Эта борьба может длиться веками, чаще всего победа достается не им, ее одерживает высшая власть, более озабоченная общегосударственными интересами (например, строительством больших ирригационных сооружений) и, как правило, более способная защищать страну от внешних врагов. Однако для достижения победы высшей власти необходимо не только отобрать материальные права у "свободных" людей, но и морально сломить, заставить признать себя не свободными людьми, для которых выше всего их честь, а слугами государевыми, способными лишь просить, а не требовать.

* * *

Наиболее обстоятельные экономические работы о власти-собственности в России принадлежат Р. Нурееву и его ученикам В. Вольчику, Ю. Латову и А. Рунову. Поэтому ограничу свой анализ работами экономистов этой школы.

Следует отметить, что эти авторы рассматривают "власть-собственность" в "восточном" варианте Васильева. Лишь Вольчик [Вольчик, 2004], ссылаясь на Н. Розенберга и Л. Е. Бирдцела [Розенберг, Бирдцел, 1995], указывает, что в западной Европе в раннее средневековье также наблюдался феномен единства политической и экономической сфер, который опирался на институт власти-собственности. Но он считает этот период кратким и не сыгравшим большой роли в становлении западной цивилизации.

Основные тезисы этой школы легче всего проследить в обширной статье Латова: "Коллективизм и авторитаризм, основные черты традиционной российской хозяйственной культуры, "впечатывались" в национальную ментальность и способствовали развитию в средневековой России институтов своего рода "государственного способа производства"... Власть-собственность как основная характеристика "восточного деспотизма" - нерасчлененное единство властных и собственнических функций. Речь идет о таких "правилах игры", когда политическое лидерство дает неотъемлемое право распоряжаться собственностью, а собственность органически подразумевает наличие политического авторитета... Благополучие представителей господствующего класса гораздо сильнее зависело от их места в иерархии государственной власти, от той должности, которую им удалось получить, продвигаясь по служебной лестнице, чем от унаследованного и приобретенного имущества... В средневековой России частные хозяйства "служивых людей", поместья и вотчины, имели подчиненный характер и не могли сколько-нибудь существенно подорвать верховную собственность государства на

землю... Вплоть до конца XVIII в. в России не существовало надежной гарантии частной собственности - ни царь, ни представители правящего сословия по-прежнему не видели разницы между личным имуществом и собственностью государства" [Латов, 2004, с. 114, 117,121].

Весьма естественно сопоставить эти высказывания с книгой Р. Пайпса "Россия при старом режиме" [Пайпс, 1993], на которую ссылается Латов, ибо "вотчинное государство" Пайпса очень близко по смыслу к "власти-собственности". При этом сравнении и за пределами основного тезиса обнаруживается много сходных моментов, из которых прежде всего следует отметить указания на холодный климат России и необходимость ведения коллективного хозяйства, основанного на крепостном праве, а не наемном труде, а также на наличие исторически неуспешных (или исторически невезучих) альтернатив московскому пути в Новгороде и Литве. Статьи Нуреева и Латова не только переводят культурологические построения Пайпса на язык институциональной экономики, но и дополняют их, например, указаниями на казацкую альтернативу и на роль подсечного земледелия (по меньшей мере до XV-XVI вв. - по данным Э. Кульпина [Кульпин, 2001]).

Однако в некоторых отношениях работы профессиональных экономистов (даже институционалистов) уступают книге историка. В первую очередь вопрос о генезисе вотчинного государства больше волнует историка, чем экономистов, интересующихся более зрелыми формами и довольствующимися обобщенными социологическими концепциями. Пайпс и другие историки [Фроянов, 1992; Нефедов, 2003] отмечают полугосударственный или даже предгосударственный характер Киевской Руси, где управление в основном сводилось к сбору дани. Как пишет Гуревич, полуде Х в. - "основной способ сбора налогов в Киевской Руси, (как оно рисуется в русской летописи и в сочинении Константина Багрянородного) очень близок к древнескандинавскому кормлению - *вейцле*" (см. также [Скрынников, 1997, с. 49]), а другие институты власти только зарождались. По мнению Пайпса, Русь управлялась скорее не как страна, а как колония торгового предприятия. Однако этот способ правления, при всей своей архаичности и ограниченности (которую Пайпс, по-видимому, преувеличивает), в нашей терминологии очень близок к ранней форме собственности-власти, власть выражается в личной или коллективной зависимости населения княжества и праве князя на некоторую долю их имущества и доходов (грубо говоря, князь и дружинники периодически отлавливают своих "подданных" и собирают с них дань).

Однако уже через несколько веков, в удельную эпоху, власть приобретает совсем иной характер. Прежде всего она превращается из системы личных связей в территориальную. При этом собственность на землю становится настолько полной и безусловной, насколько это возможно в раннем средневековье. Хотя Пайпс пишет о княжеских уделах как о вотчинах, но тем не менее внутри этих вотчин располагались города, общинные земли с неясными правами собственности и, главное, вотчины бояр, находящиеся также в безусловной собственности. Известная цитата из княжеских договорных грамот гласит: "А бояром и слугам межи нас вольным воля... А кто имет жити моих бояр и слуг в твоей отчине и тебе их блюсти, как и своих, и дань взяти, как и на своих... А бояром и слугам межи нас вольному воля, а дома своя ведают сами, а нам ся в них не вступати" (цит. по [Беляев, 1999]), то есть собственность не только бояр, но также вольных слуг (младшей дружины, дворян) была практически полной. Пусть это замечание выглядит весьма неуместно по отношению к бедной и раздробленной Руси, находящейся под татарским игмом, но по степени обеспечения прав собственности она в ту пору не отставала, а даже опережала Западную Европу. Вопреки предыдущим утверждениям, касаясь положения бояр, Пайпс замечает: "...положение бояр немало походило на положение гражданина современного западного государства, который платит налог на недвижимость местным властям или государству, где владеет собственностью, однако имеет законное право проживать и работать, где хочет" [Пайпс, 1993, с. 69].

Но проходит два-три века, и в царстве Ивана Грозного не только поместья, но даже вотчины князей оказываются условными владениями, зависящими не только от службы, но и от милости царя. В чем же причина таких перемен? Очевидный ответ заключа-

ется в отсталости Руси, неразвитости и неразделенности частного и публичного права. Однако отсталость сама по себе не может быть главной причиной, она лишь способствует быстрым переменам неустоявшихся правовых норм. Основная причина, на мой взгляд, заключается в отсутствии возможности даже у самых знатных людей защищать свое имущество и свою честь от татарских баскаков. Все эти "граждане современного западного государства" должны были терпеть унижения от самих татар и уполномоченных князей, вымоливших татарский ярлык. А пик унижений, когда гордость (и имущественные права) князей и бояр были сломлены окончательно, как это ни странно на первый взгляд, приходится на царствования послетатарского периода. Татары могли унижать князей и бояр, но все же они находились далеко и мало вмешивались во внутреннюю жизнь Руси. Именно великие князья и цари (читатель догадался, что в первую очередь подразумевается Иван Грозный) перенесли способ правления белого хана внутрь страны и за образец осуществления царской власти приняли управление не княжеством (ибо княжества в целом, кроме самых мелких, мало контролировались князьями), а доменом.

Справедливости ради упомяну, что Латов, отмечая униженность высшей знати при дворах московских князей ("это общество не знало свободной личности - в Московском государстве даже бояре называли себя холопами, обращаясь к царю" [Латов, 2004, с. 123]), считает ее признаком восточной деспотии, а не условием ее формирования. По иронии истории, русские князья, публично называвшие себя холопами, были потомками тех же скандинавских викингов, что и английские (нормандские) бароны, провозгласившие Великую хартию вольностей.

Возвращение прав высшему сословию не могло произойти без возвращения им личного достоинства. Здесь надо сказать несколько слов о местничестве. Все историки России, от С. Соловьева и В. Ключевского до наших дней, описывали местничество исключительно в черных тонах - от бесспорного вреда, который этот обычай наносил военной и гражданской службе, до комичности столь ревностного слежения за соответствием своей должности должностям предков. Хотя очевидно, что соблюдение мест безотносительно к собственным талантам наследников могло испортить руководство любым предприятием, а его точное соблюдение было вовсе невозможно, все же, на мой взгляд, стоит взглянуть на этот обычай и с другой стороны. При тех унижениях, которым подвергались даже самые знатные особы, местничество оказалось последним рубежом, где они могли проявить свое достоинство. В каком-то смысле именно местничество отделяло Россию XVI-XVII вв. от Османской империи, где подданные не имели никаких прав и место каждого зависело исключительно от благоволения султана.

Вопреки примеру Англии, в России закрепощение нижних сословий начинается в тот же период, что и закрепощение верхних. По-видимому, причины этого совпадения заключаются не только в стремлении власти обеспечить возможности военной службы поместного дворянства, но и в нехватке земли для продолжения подсечного земледелия. У историков России до сих пор не сложилось всеобъемлющей картины закрепощения крестьянства, но практически все авторы отмечают добровольный характер многих переселений крестьян на дворянские и боярские земли. Благодаря этому совпадению власть-собственность в своем законченном восточном варианте была выстроена в России в течение самого короткого времени.

* * *

Вместо заключения рассмотрим связь собственности и власти в современной России и перспективы возврата к восточной модели власти-собственности или, наоборот, разделения собственности и власти по западному образцу.

Надо отметить, что экономисты-институционалисты, чьи работы анализировались в предыдущем разделе, пессимистично оценивают возможности разделения власти и собственности. Статья Нуреева и Рунова называется "Россия: неизбежна ли деприватизация?" [Нуреев, Рунов, 2002]. Таким образом, вопрос ставится уже не о вероятности депривати-

зации, а о том, есть ли вероятность ее избежать. Авторы статьи оставляют для оптимистов наиболее благоприятный вариант - "реприватизацию", когда после устранения итогов той приватизации производится другая, на более справедливых и более рыночных началах. Тем не менее, как бы ни был справедлив этот путь с точки зрения высшей морали, остаются вопросы: какими методами, кроме самых жестоких, можно отобрать собственность (хотя легитимность собственности нынешних олигархов весьма сомнительна, но аналогии с опричниной трудно избежать); каким образом можно будет при второй приватизации избежать прежних злоупотреблений и, главное, каковы гарантии прав собственности в стране, где волны приватизации и деприватизации как приливы и отливы сменяют друг друга? Другие пути - деприватизация и ренационализация - означают либо частичное, либо полное восстановление государственной собственности в экономике и государственного контроля над ней.

На мой взгляд, эти оценки не принимают во внимание многих факторов. Прежде всего, Россия, хотя и в малой степени, но все же включена в мировой фондовый рынок, и подобные массовые изменения формы собственности грозят серьезными внешнеполитическими последствиями. Кроме того, характер собственности и способов товарообмена зависит не только от традиции соотношения собственности и власти, но и других факторов, в первую очередь от типа потребления. Остановимся на этом немного подробнее.

В самом грубом приближении потребности традиционного общества сводились к ограниченному набору однотипных благ для массового потребления низших сословий и эксклюзивным благам для престижного потребления элиты [Цирель, 2004]. Производство и обмен и тех и других благ в традиционных обществах могли обеспечиваться как при рыночной, так и при централизованной экономике. Основным ограничением возможностей государственной собственности и централизованного товарообмена стало не столько расширение списка потребляемых товаров или количества ингредиентов и инструментов при их производстве, сколько индивидуализация потребления широких слоев населения и стохастические изменения их вкусов - влияние моды. Точнее, критическим ограничением возможностей централизованной экономики стало именно сочетание этих процессов. Непредсказуемые, стохастически меняющиеся вкусы потребителей препятствуют долгосрочному планированию производства и распределения товаров, но не снижают эффективности адаптивного механизма рыночной конкуренции. Напротив, именно при сочетании индивидуальности выбора и моды в наибольшей степени проявляются преимущества рыночной экономики. В самом деле, если бы все люди слепо следовали моде, то самая мощная корпорация (в том числе государственная) с наибольшими возможностями рекламирования своих товаров и формирования моды легко вытеснила бы конкурентов. Наоборот, если бы выбор каждого человека был бы строго индивидуален, то существовала бы принципиальная возможность оценить распределение людей по типам предпочтений и планировать выпуск товаров в соответствии с этим распределением. Таким образом, сохраняющейся приверженности значительной части населения России к централизованной государственной экономике противостоит ее неэффективность в современном мире.

Из этих рассуждений никак не следует, что власть в России перестанет пытаться контролировать собственность и собственников, однако неэффективность государственной собственности в большей части отраслей станет сдерживающим фактором для любителей отобрать что-либо в пользу государства. Представляется далеко не случайным, что наряду с национализацией ЮКОСа в 2004 - 2005 гг. параллельно происходила приватизация целого ряда предприятий.

Вместе с тем не следует ожидать, что традиции власти-собственности смогут исчезнуть в течение короткого времени. Опыт целого ряда очень успешных, просто успешных и не совсем успешных стран Восточной Азии говорит совсем о другом - в успешных странах до определенного этапа эти традиции использовались для повышения доли накопления и ускорения экономического роста, в менее успешных они обращались в коррупцию по модели "захват государством бизнеса" [Антикоррупционная... 2004]. Однако в тех и в других странах снижение государственного контроля над собственностью

шло чрезвычайно медленно. И вряд ли Россия, несмотря на более европейские традиции, сможет быстро отойти от вековых обычаев. Для возникновения нормальной частной собственности прежде необходимы независимый состязательный суд и независимый гражданин, прибегающий к его услугам. И в их отсутствие процесс может затянуться на долгие годы. При этом опыт даже самых успешных последних лет предвещает скорее коррупционный, нежели патриотический вариант включения элементов власти-собственности в ткань рыночной экономики.

Другой вопрос - не найдутся ли в российском социуме силы, способные повернуть вспять не только преобразования собственности и форм товарообмена, но и стоящий за ними тип потребления. Апатия, царящая в российском социуме, заставляет отвечать на этот вопрос таким же образом, как и о характере использования власти-собственности в нынешней России: у нас нет реальных общественных сил, способных радикально поменять нашу жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антикоррупционная политика. М., 2004.
- Беляев И. Д. История русского законодательства. СПб., 1999.
- Берент А. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
- Васильев Л. С. История древнего Востока. В 2 т. Т. 1. М., 1993.
- Вольчик В. В. Зависимость от траектории предшествующего развития и эволюция института собственности в России // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/211425.html>.
- Гуревич А. Я. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Древние германцы. Викинги. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М. -СПб., 1999.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
- История Китая. М., 2004.
- История крестьянства в Европе. Т. 2. М., 1986.
- Коротяев А. В. Горы и демократия: к постановке проблемы // Альтернативные пути к ранней цивилизации. Владивосток, 1995.
- Крадин Н. Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992.
- Кульпин Э. С. Русь между Западом и Востоком. М., 2001.
- Латов Ю. В. Власть-собственность в средневековой России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. N 4.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. М., 1961.
- Нефедов С. А. Новая интерпретация истории Киевской Руси // <http://histl.narod.ru/Science/Russia/Kiev1.htm>.
- Нуреев Р. М. Азиатский способ производства как экономическая система // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993.
- Нуреев Р. М., Рунов А. Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? // Вопросы экономики. 2002. N 6.
- Павленко Ю. В. Альтернативные подходы к осмыслению истории и проблема их синтеза // Философия и общество. 1997. N 3.
- Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1958.
- Розенберг Н., Бирдцел-мл. Л. Е. Как Запад стал богатым. Экономические преобразования индустриального мира. Новосибирск, 1995.
- Скрынников Р. Г. История Российская IX-XVII веков. М., 1997.
- Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород. Л., 1992.
- Фурсов А. И. Восточный феодализм и история Запада // Народы Азии и Африки. 1987. N 4.
- Цирель С. В. Зачем России нужна Чечня? // Звезда. 2003. N 5.
- Цирель С. В. Рыночная экономика и типы потребления // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. N 1.
- Green J.R. A Short History of the English People. London-New York, 1898.
- Magna Carta Commemoration Essays. London, 1917.
- Wittfogel K. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1959.